

Д м и т р и й Б и р м а н

СИРАНО

К концу первого месяца самоизоляции Тимофей Кольцов поправился на три килограмма и пошел хоронить Сирано.

Жене нравилось, что Тимофей, как она говорила, округлился, а кота она терпеть не могла, превратив его звучное имя в безликое «Все равно».

Когда Кольцов начал работать технологом на фармацевтической фабрике, смешливая Верка, изнутри закрыв на ключ дверь лаборатории, лишила девственности выпускника МГУ, за два дня до получения им первой зарплаты.

На subtilного, рыжеватого, с наметившимися залысынами юношу в Главном Университете только что распавшегося СССР, девушки не обращали никакого внимания. Да он и не стремился к сексуальным утехам студенческой жизни, погрузившись в фармакологию, которую считал самой важной наукой на Земле.

— Еще немного, — говорил Тимофей подсмеивающимся над ним однокурсникам в те редкие моменты, когда принимал участие в очередных посиделках, — и мы победим рак!

Он смотрел поверх тупоголовых однокашников и видел далекую Швецию, в которой ему вручают Нобелевскую премию, а он, статный и холеный, говорит историческую речь на прекрасном английском языке.

Мать умерла, когда Кольцову было три года, и отец, который начал пить, до конца своей жизни винил «рыжего ублюдка» в ее смерти.

— Тяжело носила гаденыша моя ненаглядная, — говорил он собутыльникам, поливая слезами скудную закуску, — аборт делать не хотела, вот он и выпил все соки из нее. Сначала в утробе, а потом из груди всю жизнь высосал!

Мама кормила Тимошеньку грудью до двух лет. Когда муж ворчал, что это не дело, она улыбалась светлой улыбкой, гладила малыша по буйной шевелюре, приговаривая:

— Золотой мой!

Через год ее сожрал рак груди, а родителей Тимофею заменила строгая бабушка, в одиночку вырастившая его отца.

Ему прочили светлое академическое будущее, но смерть бабушки и необходимость платить врачу, который ненадолго выводил отца из запоя, не дали Кольцову продолжить обучение в аспирантуре и стать светилом фармакологии.

Его радостно приняли на работу (красный диплом МГУ!), передали в полное распоряжение лабораторию и положили очень неплохую, для тех смутных времен, зарплату.

Он уже видел себя директором фармацевтического концерна — статным и холеным, уверенно выходящим из служебного мерседеса, но...

Проработав почти месяц, Тимофей выступил на собрании работников фабрики с пламенной речью.

Он говорил о том, что ректальные свечи, которые они производят, не соответствуют нормам, что продают они, фактически, пустышку, зарабатывая сумасшедшую прибыль, не вкладывая ни копейки в обновление оборудования.

После этого смешливая Верка лишила его девственности, в закрытой изнутри на ключ лаборатории, а руководство уволило по тридцать третьей статье (систематические прогулы и пьянство).

Верка переехала из общежития к нему в Крылатское (квартира досталась ему по бабушкиному завещанию), а он с трудом устроился в аптеку провизором.

Потекли годы жизни «как у всех». Верка превратилась в вечно недовольную чем-то тетку, называвшую его не иначе, как Тимофей.

Кольцову так хотелось, чтобы его гладили по голове и шептали: «Тимошенька, золотой мой!» А еще он мечтал о детях — мальчике и девочке.

Когда его выгнали из пятой по счету аптеки за то, что он советовал покупателям не приобретать дорогостоящий препарат от «птичьего» гриппа, а заменить его копеечными лекарствами с тем же эффектом, Верка сделала аборт.

В 2005-м Кольцов заработал неплохие деньги. Под жестким контролем полковника Полищука из управления по борьбе с незакон-

ным оборотом наркотиков, он руководил переработкой изъятых наркотических средств по разработанной им революционной методике.

Он уже видел себя — статного и холеного депутата Государственной Думы, докладывающего Президенту о новых технологиях, которые выведут Россию в лидеры мирового фармацевтического рынка.

Примерно через полгода Тимофей понял, что Полищук отжимает часть конфиската и сбывает его ушлым безликим парням, подъезжающим, как правило, на БМВ седьмой модели.

Кольцов написал заявление в службу собственной безопасности. Полковника уволили из органов, но почему-то не посадили, а Тимофей надолго стал безработным, причем (как, прооравшись, сказала Верка) ему еще крупно повезло.

Тогда же, дождливой осенью, он подобрал на улице рыжего котенка с разноцветными глазами.

— Верунчик! Смотри, какой красавец! — Он распахнул пальто и аккуратно достал из-за пазухи согретый и задремавший рыжий комочек.

— Он золотой, Верунчик! А глаза — один голубой, а другой карий!

— И хер ли?! — Верка выпустила сигаретный дым в нос дремавшему котенку. — Самим скоро жрать нечего будет!

— У нас будет жить! — вдруг жестко ответил Тимофей, и Верка впервые в жизни смолчала.

Он назвал котенка Сирано. Прочитав когда-то «Сирано де Бержерака», Тимофей представлял себя статным и холеным любимцем женщин, которому не мешал излишне длинный нос (Верка в моменты нежности называла его «мой рыжий долгоносик»), а только добавлял шарма.

Наступила эра социальных сетей, и Кольцов вдруг нашел работу своей мечты. Он стал онлайн-консультантом. Люди, разуверившиеся в официальных источниках информации, стали верить «коучам» и «консультантам».

Тимофей сначала давал рекомендации по препаратам бесплатно, потом стал предлагать перевести на карту, кому сколько не жалко. Молва о «честном специалисте по лекарствам» шла из уст в уста и, в принципе, на жизнь хватало. Верка даже стала задумываться о поездке в прекрасную Анталию.

Тимофей любил стоять у окна, поглаживать дремавшего на подоконнике, изрядно выросшего Сирано, смотреть на проносящиеся по Рублевке машины с мигалками. Он представлял, как, статный и холерный, подъезжает к шикарному дому в Жуковке, а на крыльце его ждет Сирано с блестящими разноцветными глазами.

Вдруг навалилась пандемия. Сначала всех одели в маски, и люди стали безликими в разноцветных намордниках. Потом вообще запретили выходить на улицу. Только тем, у кого собаки, можно было с ними гулять.

Это дико злило Кольцова.

— А коты?! — кричал он и стучал кулаком по столу. — Котам не надо гулять?! Гребаная власть! — И плевал в закрытое окно, за которым время от времени проносились машины с мигалками.

Верка даже зауважала его. Стирая со стекла липкую слюну, она думала, что, может, ей повезло с мужиком? Вон, оказывается, какой горячий!

И случился у нее страстный секс. Тимофей сначала отвечал — уж очень затейливой вдруг стала Верка, а потом стал уклоняться. Дело в том, что страсть эта просыпалась в ней утром, а то, что она принимала за готовность и желание мужа к соитию, на самом деле было результатом потребности в естественной надобности.

Стал Тимофей просыпаться пораньше, брать на руки Сирано и выходить гулять. На улице никого, только патруль — и то редко. Погуляют они, придут домой, он завтрак приготовит, чтобы Верка, как проснется, орала поменьше.

Вечером — она сериал смотреть, а он шмыг в спальню. Сначала Верка растолкать его пыталась, а потом плюнула и опять, как уже много лет, стала по утрам надолго в ванной закрываться.

Как-то вечером Сирано стало плохо, то ли съел чего, то ли от старости — рвет с кровью, лежит, не встает. Кольцов звонит в ветеринарку — не работает никто, пандемия. Он по малочисленным знакомым стал узнавать, может, у кого в друзьях ветеринар хороший есть. Никто не принимает — боятся заразы и запретов.

К утру ушел Сирано по облакам к своему кошачьему богу.

Кольцов завернул еще теплого друга в праздничную скатерть, спустился в подвал (дом старый, в подвале сарай у жильцов), взял лопату и вышел на улицу.

Когда он выкопал рядом с клумбой ямку и опустил туда драгоценный сверток, у бордюра остановилась патрульная машина.

— Гражданин! Вы что нарушаете? — Молодой толстогубый сержант с глазами навывкате удивленно смотрел на Тимофея.

— Клад, сука, откопал! — Худосочный младший сержант, наворачивая на «о», с удивлением рассматривал нарядный сверток.

Кольцов молчал.

Толстогубый присел, уверенно, по-хозяйски, дернул за угол ска-терти, потянул ее, разворачивая.

— Черт! Кошка дохлая! Ты что, падла, творишь?! — Худосочный схватил Тимофея за воротник пальто и стал трясти.

— Пакуем? — спросил он подельника.

— Да чо с него возьмешь? — брезгливо сморщился толстогубый.

— Слышь, чучело, бери дохлятину и выкинь в мусор, а потом за-ровняй, чтобы стало, как было!

Кольцов аккуратно завернул закоченевшего Сирано в скатерть, отнес его к мусорному контейнеру и положил в него, прошептав: «Покойся с миром, золотой!» Потом закопал яму, тщательно раз-ровняв землю.

Толстогубый внимательно наблюдал за ним и, покачав головой, сел за руль.

Худосочный, усмехнувшись, плюнул на землю, покрутил паль-цем у виска и уселся в машину рядом с толстогубым.

Тимофей долго смотрел вслед полицейскому УАЗику, потом взял лопату, упер черенком в бордюр и, улыбнувшись, резко опустил ка-дык на заточенный металл.

